

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	9
---------------	---

ГЛАВА 1 КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ ТЕКУЧЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ

§ 1. Сюрреалистический ракурс в гуманитарных исследованиях и повседневных практиках	15
§ 2. Карманная вселенная на экране смартфона	21
§ 3. Жизнь на руинах больших повествований	25
§ 4. Поливариативность дискурсивных режимов и способов интерпретации.	29
§ 5. Бремя жизни наугад и ускорение модных трендов	33
§ 6. Капитализм возможностей и проектирование потребителей иллюзий	40
§ 7. Конец социального и гибкая идентичность в эпоху текучей современности	50

ГЛАВА 2 МИКРОПОЛИТИКА ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ И НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЙ СЕЛФ-МЕНЕДЖМЕНТ

§ 8. Опыт субъективации и мутации жизненного мира	55
§ 9. От биополитики к психополитике и обратно. Жизнь в зазоре между дисциплинарным и постдисциплинарным обществом	61
§ 10. Неолиберальный селф-менеджмент и фигура предпринимателя самого себя	64
§ 11. Феноменология жизненного мира предпринимателя самого себя	69

<i>От человека-сенсора к mind worker и обратно</i>	71
<i>Проектируемый потребитель возможностей. Утрата границы между реальным и воображаемым</i>	75
<i>Неолиберальное антикризисное управление. Между риск-менеджером и кризисным управляющим собственной жизнью</i>	77
§ 12. Производство самоотчуждения под маской предпринимателя самого себя	80
§ 13. Переосмысление микрофизики власти в контексте неолиберального селф-менеджмента	87

ГЛАВА 3 ДИСПОЗИТИВЫ ТЕКУЧЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ

§ 14. Психополитические диспозитивы. От управления поведением к оккупации внутренней жизни	96
§ 15. Диспозитив гибкости. Культ нейропластичности и антихрупкости	107
§ 16. Диспозитив психоцентризма. Социальная изоляция и приватизация стресса	116
§ 17. Рыночный диспозитив. Непрерывные самоэксплуатация и самопотребление	126
§ 18. Диспозитив саморазвития в рыночном обществе достижений	136
§ 19. Диспозитив перформативности. Аутентичность на продажу	145
§ 20. Диспозитив креативности. Культ инноваций и нетривиальных решений. ...	157
§ 21. Диспозитив спиритуализма. Призыв слышать голоса Вселенной и рынка	165
§ 22. Диспозитив солиушионизма. Простые решения на каждый день	172
§ 23. Неолиберальный селф-менеджмент. Нормализация дефицитарного нарциссизма	180

ГЛАВА 4
ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА
ЗАБОТЫ О СЕБЕ У ПОЗДНЕГО ФУКО

§ 24. Исследование изнутри повседневности. Немного автофикшена	197
§ 25. Мартин Хайдеггер и экзистенциал заботы	199
§ 26. Тематизация феномена заботы о себе у позднего Фуко	206
§ 27. Технологии себя. От заботы о себе к человеку-проекту	217
§ 28. Управление собой и проектирование опыта. Между заботой и суетливой озабоченностью ...	229
§ 29. Герменевтика субъекта. Шаткий баланс между заботой о себе и <i>CX-design</i>	242

ГЛАВА 5
ОТ САМОЭКСПЛУАТАЦИИ
К ОСМЫСЛЕННОМУ УПРАВЛЕНИЮ
СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ

§ 30. От сториселлинга к персональной герменевтике	254
§ 31. ЈОМО и мастерская жизни. По ту сторону негативной нейропластичности	264
§ 32. Выход из психоцентризма. Движение к другому человеку и сообществам	272
§ 33. Прощание с предпринимателем самого себя и возвращение права жить	281
§ 34. Выход из ловушки саморазвития к заботе о себе	291
§ 35. По ту сторону общества спектакля. Возвращение интереса к прозе жизни	300
§ 36. Креативный селф-дизайн в эпоху текучей современности	309
§ 37. Духовный поиск в эпоху расцвета магического мышления	320
§ 38. От мнимой простоты к усложнению персональной картины мира	328
§ 39. От суетливой озабоченности к решимости жить достаточно хорошую жизнь	339

ГЛАВА 6
ОТ САМООТЧУЖДЕНИЯ
К НОВОЙ ЭСТЕТИКЕ ЖИЗНИ

§ 40. От производства субъективности к эстетике существования	349
§ 41. Внутренняя честность в преобразовании себя . . .	360
§ 42. По ту сторону интерпретации. Производство присутствия	368
§ 43. От прекарной темпоральности к устойчивым формам жизни	383
§ 44. Сомаэстетика. Возвращение контакта с собой	393
§ 45. Встреча с Другим. От близких отношений к политической эстетике	407
§ 46. Субъективация опыта в цифровую эпоху	419
§ 47. Внутренняя поэтика повседневной жизни	432

ВВЕДЕНИЕ

Осенью 2024 года я не собирался писать эту книгу. Не возникало даже подобной мысли в связи с тем, что вышедшая на тот момент моя первая книга «Эпоха выгорающих супергероев» вызывала у меня крайне амбивалентные чувства. С одной стороны, понятное дело, радость и гордость от того, что я все-таки написал книгу и вот мне уже поступают первые отклики от благодарных читателей. Но с другой стороны, сам процесс работы над книгой в формате стилизации под селфхелп-литературу с одновременно присутствующей в тексте иронией в отношении этой самой культуры самопомощи оставил некоторый осадок. Формат максимально популярной книги для широкого круга читателей не был мне изначально близок, и я пошел на это скорее из гуманистических побуждений.

Однако ситуация неожиданно изменилась. В конце ноября я как-то размышлял на тему инструментов психополитики и ряда других идей Бён-Чхоль Хана, а также крутил в голове мысль о его критике концепции биополитики у Мишеля Фуко и моем несогласии с его видением недостаточности генеалогического подхода для анализа повседневной жизни человека, заброшенного в эпоху текущей современности. Когда я размышлял об этом, мне сначала пришла мысль написать статью о психополитических диспозитивах, чтобы перекинуть мостик между идеями Фуко и некоторыми концептуальными ходами Хана, но уже в тот же осенний вечер я подумал: «А не написать ли мне в издательский проект “Лёд”, активно издающий Хана, чтобы предложить им книгу?» Мы списались с шеф-редактором Павлом Костюком, и тема получила отклик. Дальше мы заключили контракт, и я погрузился в написание книги.

Еще с университетских времен я знаю о том, что введение пишется в конце и даже если что-то надо написать перед основной работой над текстом книги, то, скорее всего, это будет лишь какой-то общий набор интуиций и туманных ожиданий в отношении развития мысли в процессе исследования. Так и вышло. То, что вы сейчас

читаете, я пишу уже после завершения работы над книгой. Это известный в постмодернистском искусстве ход, и мне он в некотором смысле близок. Однако в этом приеме есть и другой аспект. Только завершив написание книги, можно объяснить, что же ты хотел сказать. Никогда не известно в начале, куда заведет мысль, когда отправляешься в столь длительное исследовательское путешествие.

Стоит сказать о названии. Оно несколько раз менялось, и сложно было остановиться на чем-то одном, так как книга представляет собой в некотором роде полифонию смыслов и сюжетных линий, объединенных лишь двумя основными темами. Первая — фигура Мишеля Фуко и его генеалогия власти, знания и субъективности. Вторая — мой личный интерес к мутациям субъективности в эпоху текущей современности. Сначала я думал остановиться именно на этой аналитике психополитической рациональности, под которой я понимаю, вслед за Ханом и рядом мыслителей современной критической теории, специфический набор представлений о субъекте как сугубо экономическом агенте в условиях рыночного общества достижений. Ему, по меткому выражению Мишеля Фуко, предписано быть «предпринимателем самого себя» и превращать всю свою жизнь без остатка в прибыльное экономическое предприятие. В условиях гегемонии неолиберальной идеологии в наше время субъективность современного человека конструируется вокруг решения самых разных задач с акцентом на участие в рыночной конкуренции. Из этого прорастает стремление к финансовому успеху и благополучию как основному мотиву разнообразной активности атомизированных индивидов, принимающих предписание быть успешным в качестве основной ценностно-смысловой ориентации своей повседневной жизни.

Говоря о критике психополитической рациональности, помимо аллюзии на классические тексты Канта и Слотердайка, я использую методологический инструментарий Фуко, чтобы препарировать производство субъективности, сотканное из призывов к саморазвитию, прокачиванию личного бренда, гибкости, креативности, индивидуализации с использованием различных селфхелп-инструментов. Критика не означает очередной приступ негодования по поводу издержек позднего капитализма и сетования по поводу

экзистенциальной растерянности от нарастающего самоотчуждения у человека, который «не вывозит» и давно устал от всей этой неопределенности, пропаганды успешного успеха и требования жить на пределе. Критика в кантовском смысле (помню это еще с лекций замечательного преподавателя Виктора Николаевича Дубровина¹) — это внимательное рассмотрение деталей. По словам Лиотара, в современных условиях философ — это тот, кто способен к нюансированному восприятию и готов видеть то, что находится у всех на виду, однако обладающий иначе настроенной оптикой для наблюдения и последующей феноменологической рефлексии.

Осталась некая недосказанность в первой книге в связи с тем, что сама она иронически пополнила полки с рубрикой «Саморазвитие и популярная психология». В этом же тексте я двигаюсь иным путем. За счет изначального стремления сочетать историко-философское исследование и феноменологическую реконструкцию субъективности и повседневности в эпоху текучей современности у меня получилось преодолеть издержки и недочеты первой книги.

Мне хотелось провести детальную феноменологическую реконструкцию структуры психополитической рациональности и способов оккупации ею внутренней жизни современного человека. Он вынужденно усвоил антропологическую модель предпринимателя самого себя и теперь интерпретирует свою повседневную жизнь с опорой на усвоенную систему толкований, где существование — это непрерывное антикризисное управление своей жизнью как бизнес-проектом. В эпоху так называемых дисциплинарных обществ действовала система ограничений и долженствований, отказывающих человеку в возможности жить как ему вздумается. Биополитические механизмы власти создавали скорее репертуар нормативов и обязательств человека перед религией, государством или коллективной общностью посредством тех или иных институтов и способов организации поведения. По мере развития современного

---

¹ Преподаватель университета, в котором я учился. Читал шикарные лекции по немецкой классической философии и больше всего времени уделял именно наследию И. Канта. — *Прим. авт. Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.*

рыночного общества достижений именно позитивная свобода с «возможностями личного развития» стала полем для тонкой работы новых психополитических инструментов управления. Переход от императива «ты должен» к императиву «ты можешь» утвердил не столько новые нормативы, сколько предписание к позитивной мотивации под соусом саморазвития, стремления к личному благополучию, счастью и успеху. Так стал разворачиваться новый тип психополитической рациональности, критика которого и стала лейтмотивом на начальном этапе написания книги.

Однако, несмотря на феноменологическую реконструкцию инструментов новых форм власти в качестве лейтмотива исследования, я пошел дальше и озадачился переосмыслением тематики заботы о себе, которая занимает меня со времен написания диссертации в начале 2000-х годов. Ключевая тема изысканий Мишеля Фуко — забота о себе, однако его стиль, интонация и акценты осмысления этой темы оказались втянуты в странную игру истины, результатом которой и стал неолиберальный селф-менеджмент, сотканный из психополитических диспозитивов. Последние по своей сути выступают теми структурами оккупации внутренней жизни современного индивида, которые под маской стимуляции саморазвития, проявленности и креативности производят субъективность выгорающего супергероя. Человека, уставшего от жизни на пределе в потоке постоянных интервенций ради «быстрее, выше, сильнее» к якобы большему раскрытию внутреннего потенциала, на поверку оказывающегося очарованностью «волшебством спектакля» с неизбежными разочарованиями фрустрированного и зачастую доведенного до отчаяния индивида.

Меня занимает не только критическая реконструкция новых механизмов власти и их отличие от тех инструментов управления субъектами, которые имели место ранее (и порой продолжают ситуативно возникать в разных политических контекстах). Но также и коллизии той «свободы выбора» в условиях капитализма возможностей и разнообразных траекторий проектирования потребительского опыта, мимикрирующего под свободу под лозунгом «живи как хочешь и будь кузнецом своего счастья». Расцвет терапевтических культур с акцентом на частную жизнь

в обществе сингулярностей, как его называет социолог Андреас Реквиц, производит атомизированных индивидов, озадаченных именно заботой о себе. Если для Фуко, финал жизни которого пришелся на 1984 год, основной темой исследовательской рефлексии была та негативная свобода, которая позволяет субъекту желая сопротивляться различным формам нормативности и механизмам власти, которые принуждают, надзирают и наказывают, то современный субъект оказался в иной ситуации. Теперь ему почти «все дозволено». Но эта вседозволенность оказывается ловушкой для позитивной свободы, которая неожиданно оказывается вплетенной в проектирование потребительского опыта, фактически упраздняющего индивида и низводящего его до человека-сенсора, сталкивающегося с избыточной стимуляцией к совершению актов потребления. В этой якобы свободе возникает растерянный индивид, который обнаруживает, что его лишают статуса полноценной заботы о себе именно тогда, когда он озадачен личным проектом счастья и успеха и максимально расположен к тому, чтобы заняться собой, в том числе посещать психотерапевта и самостоятельно решать самые разные проблемы. Тонкий газлайтинг психополитической рациональности поглощает саму возможность заботиться о себе и требует перейти к новому словарю для рефлексии над тем, каким образом допустима деокупация внутренней жизни человека, стремящегося жить достаточно хорошую жизнь вопреки идеологии рыночного общества достижений.

Критикуя психополитическую рациональность, я стремлюсь не только и не столько разложить и в очередной раз прояснить, как именно обстоят дела в эпоху текучей современности, как нам всем выпало бремя жизни наугад и что значит нести ответственность за свою жизнь с опорой на интерпретативный суверенитет. Это лишь подводка к нащупыванию альтернатив к эмансипации субъекта заботы о себе в условиях глубокого проникновения идеологии во внутреннюю жизнь человека. В финальном аккорде книги мысль разворачивается вокруг таких пока еще малоизвестных концептов, как «производство присутствия» и «эстетика существования», дабы попытаться найти пути к новым стилям жизни, к тому, чтобы каждый смог нащупать свой

персональный контекст, на основе которого стало возможно жить свою достаточно хорошую жизнь.

Чтение этой книги, скорее всего, окажется более сложным предприятием, нежели прочтение моей первой работы «Эпоха выгорающих супергероев». Однако, по моему глубокому убеждению, оно того стоит. Приготовьтесь к неспешному вдумчивому движению, которое наверняка поможет вам открыть новые горизонты в поиске ответов на ваши вопросы о том, как жить в этом дивном новом мире и каким образом обратить бремя жизни наугад в эпоху текучей современности себе на пользу, наполняя внутренней поэтикой свою повседневную жизнь.

ГЛАВА 1

Культурный ландшафт текучей современности

§ 1. Сюрреалистический ракурс в гуманитарных исследованиях и повседневных практиках

Я прочитал талантливого театроведа, в глазах которого постмодернизм с его играми и фантазиями мало чего стоит в сравнении с властью, особенно когда обеспокоенное общественное мнение толкает эту власть к политике тоталитарной бдительности перед лицом ядерной угрозы...¹

*Жан-Франсуа Лиотар,
«Постмодернизм в изложении для детей»*

В финальной части фильма «Апокалипсис» Мела Гибсона главный герой бежит по джунглям Амазонии от преследующих его индейцев-каннибалов, принесших в жертву богам несколько его соплеменников. Он бежит наперегонки со смертью босиком по пересеченной местности, стремясь попасть к жене и двум маленьким детям, которых он успел спрятать в своей родной разрушенной деревне в глубокой яме и которые, как он надеется, еще живы. Эта сцена далека от современности не только во времени и опыте жизни, но и в том, что антрополог Марсель Мосс назвал «техники тела».

Бегущий по джунглям представитель древней индейской культуры и современник, совершающий монотонные движения, скролля ленту на своем смартфоне, оче-

---

¹ *Лиотар Ж.-Ф.* Постмодернизм в изложении для детей. Письма 1982–1985 / пер. с фр. А. Гараджи. М.: РГГУ, 2008. С. 12.

видно, используют в своей повседневной жизни разные способы управления собой, и культурная среда, создающая репертуар возможностей для вариативности выбора стиля жизни, несомненно, существенно различается. Культура буквально проникает под кожу человека, и уже с трудом можно разделить, что в человеке только природное, а что сформировалось под влиянием культуры определенного периода истории. Когда смотришь, как двигаются в танце люди времен сексуальной революции 1960-х годов, то невольно отмечаешь некую скованность движений, тогда как в любых зумерских танцах в *TikTok* присутствует бóльшая раскрепощенность, а культурные зажимы предшествующих времен и вовсе отсутствуют. Телесность — лишь один из способов обнаружить сложную взаимосвязь между повседневной жизнью и культурной средой, внутри которой эта жизнь день за днем протекает. Ежедневно воспроизводимые социальные практики, взаимодействия людей друг с другом и самими собой с использованием языка и технологий, включение в экономические процессы и личные духовные поиски, какая-то личная рефлексия и просто поток реакций на многообразие стимулов — все это происходит внутри культурной среды, которая во многом определяет поведение конкретных людей и сообществ независимо от того, есть у них понимание этого или нет.

Далее я буду двигаться к осмыслению повседневности и говорить о культурном, социальном, экономическом или политическом измерении любой ситуации именно с этого фокуса, не уходя в платоническое путешествие в сферу оторванных от этой самой повседневности идей и концептов так, как это сделали бы академические истории философии, которым нужно прочесть очередной курс лекций в университете и для которых интерес к этим идеям начинается и заканчивается в пространстве учебного заведения.

Можно представить состояние «минимальной культуры» на микроуровне, и перед нашим взором появятся повседневные практики обычных людей, проживающих в этой культуре. Внимательно наблюдая за этой рутинной, мы можем вычленить существенные элементы того, чем эта культура является. В книге Герберта Розендорфера «Письма в Древний Китай» главный герой, чудесным образом пере-

местившийся из давно минувшей эпохи в Германию 1970-х годов, столь же чудесным образом пересылает своему другу письма с описанием впечатлений от быта и культурных особенностей жителей европейского государства. Можно предположить, что если бы гражданин современного Китая переместился в далекое прошлое, то он использовал бы иной способ передачи информации — фото и видео, снятые на смартфон или фотоаппарат. Встречая в разных странах туристов из КНР, наталкиваешься на их почти маниакальную любовь к визуальной регистрации впечатлений как от достопримечательностей, так и от самих себя.

В феноменологии существует понятие «естественной установки сознания», которую можно интерпретировать как представление человека о себе и культурной ситуации, в которой протекает его жизнь, как о чем-то само собой разумеющемся. Это ощущение, что все есть так, как оно есть, и любые изменения в технологиях, нарративах или социальных трендах кажутся таким же естественным ходом вещей, как сезонные изменения в погоде или экономические кризисы. Нам нужен резкий контраст или большие отрезки времени, чтобы обнаружить изменившуюся среду обитания и выработать новые способы адаптации.

Читая книги с таким сюжетом, как в упомянутых «Письмах в Древний Китай», можно увидеть своеобразный опыт человека с другой планеты, который пытается понять, как устроена жизнь общества совсем в другом культурно-историческом контексте. Проживая детство в заполярном поселке на Крайнем Севере, я не раз наблюдал картину с аборигенами тех мест: ненцами, приехавшими на оленьих упряжках, чтобы приобрести товары первой необходимости и продать шкуры, рыбу и мясо — основные продукты их хозяйственного промысла. Но одна сцена до сих пор ярко всплывает в памяти. На Новый год на центральной площади напротив Дома культуры устанавливали большую елку. Ненцы, приезжая, садились вокруг нее в круг и, запрокинув головы, долгими часами смотрели на разноцветные мигающие лампочки, украшавшие новогоднее дерево. Так происходила встреча двух совершенно разных опытов восприятия и культурных контекстов. Сам способ смотреть на мир был организован совершенно по-разному. Мы были жителями одной и той же эпохи

и территориально находились на Крайнем Севере. У нас были точки соприкосновения в использовании благ цивилизации. Но то, как они, сидя вокруг елки, смотрели на нее, казалось совершенно недоступным мне. Эта степень удивления и завороченный взгляд были из совсем иной эпохи. Они могли бы стать героями ненаписанной книги «Писем в Древний Ямал».

Весной 2024 года я начал вести семинары «Клуба неспешных мыслителей», и, когда размышлял над некоторыми интересующими меня текстами, в поле внимания попали тапальщики хомяка. Тогда регулярно встречались разные короткие видео, где люди со всего мира с невероятным энтузиазмом и верой в чудеса вновь и вновь нажимали на экраны своих смартфонов в надежде на криптообогащение и счастливую жизнь. Меня особенно впечатлила сцена с бабушкой в общественном транспорте какого-то российского города, истово повторяющей монотонные движения. Всматриваясь в этот образ пожилой женщины, культурный антрополог, историк философии или исследователь в любой другой гуманитарной области может озадачиться рядом вопросов, в которых будут сплетаться как экзистенциально-мировоззренческие, так и сугубо теоретические вопрошания.

Индеец, бегущий по джунглям, переместившийся в будущее древний китаец, ненцы, сидящие вокруг новогодней елки в медитативном трансе, и тапающая хомяка пожилая дама, верующая, что создатели игры-кликера позволят ей повысить уровень своего финансового благосостояния. Все перечисленные персонажи из разных культурных контекстов, некоторые из которых лишь плод художественного воображения, а другие вполне реальны. Однако меня занимает вопрос на стыке истории философии и культурной антропологии. Кант удивлялся моральному закону внутри себя и звездному небу над головой, но что, если нужно научиться удивляться тапающей хомяка пожилой даме не меньше, чем ненцам, сидящим на снегу вокруг елки, и что, если из этого удивления родится другой способ думать и говорить о том, как именно мы проживаем свою повседневную жизнь?

В свое время меня всерьез укрепила мысль Мартина Хайдеггера, повстречавшаяся в книге «Феноменологиче-

ские интерпретации Аристотеля», смысл которой заключался в том, что *исследование является частью повседневной жизни самого исследователя*. Несмотря на возникающие ощущения неизбежности платонического отношения к истории философии как к своеобразным интеллектуальным путешествиям в заоблачный мир идей, существует немало примеров сближения философской мысли с той формой культурно-этнографических исследований, которые не покидают эмпирический мир вещей, событий и явлений и которые переплетаются с судьбами людей.

В Великобритании есть сообщество людей, слышащих голоса, которые защищают свое право не подвергаться психиатрическому лечению. Однако слышащие голоса отныне — это не определенная группа людей с особой симптоматикой. Теперь, по мысли психоаналитика Ренаты Салецц, умение слышать голоса становится особой формой новой экспертизы и востребованной услугой. Люди слышат голоса Вселенной или рынка, а те, кто преуспел в умении дешифровать «особые сигналы мира», становятся экспертами, зарабатывающими большие деньги на консультациях и других инфопродуктах.

Классик структурной антропологии Клод Леви-Стросс в серии интервью с Дидье Эрибом упоминает влияние сюрреалистов на его творчество, общение с которыми во многом сформировало его подход к исследованию культуры аборигенов Бразилии:

Именно у сюрреалистов я научился не бояться неожиданных и смелых сопоставлений¹.

И вот, обращая взор к пожилой тапальщице хомяка, ловишь себя на устойчивом ощущении, что она сошла с картины Рене Магритта и выглядит не менее сюрреалистично, чем созданный нейросетью дипфейк Альберта Эйнштейна, играющего диджей-сет на фестивале *Burning Man* в вымышленной параллельной вселенной. Граница между художественным вымыслом романов Виктора Пелевина и серыми буднями обычных людей, порой беспощадной

---

¹ *Леви-Стросс К., Эрибон Д.* Издалека и вблизи / пер. с фр. И. Панферовой. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2018. С. 59.